

Статья 312. УПК Российской Федерации предусматривает вручение копии приговора осужденному или оправданному, его защитнику и обвинителю, а также - при наличии соответствующего ходатайства - потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям в течение пяти суток со дня провозглашения при

Ссылка же заявителя на противоречие оспариваемых норм статье 48 Конституции Российской Федерации, согласно которой каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, произвольна, поскольку ими не регулируются вопросы обеспечения обвиняемому (осужденному) этой помощи.

Таким образом, статьи 301 и 312 УПК Российской Федерации не могут расцениваться как нарушающие конституционные права заявителя, указанные в жалобе. Это не препятствует федеральному законодателю урегулировать в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации вопрос о допуске осужденного (его защитника) к ознакомлению с особым мнением судьи по его делу - подобно тому, как данный вопрос регламентирован в законодательстве о конституционном, гражданском (осуществляемом как судами общей юрисдикции по правилам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, так и арбитражными судами по правилам Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации) и административном судопроизводстве (также осуществляемом названными судами по правилам указанных кодексов и относящемся, как и уголовное судопроизводство, к сфере публично-правовых отношений).

Исходя из изложенного и руководствуясь пунктом 2 части первой статьи 43 и частью первой статьи 79 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", Конституционный Суд Российской Федерации

о п р е д е л и л:

1. Отказать в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Юдина Юрия Рудольфовича, поскольку она не отвечает требованиям Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", в соответствии с которыми жалоба в Конституционный Суд Российской Федерации признается допустимой.
2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации по данной жалобе окончательно и обжалованию не подлежит.
3. Настоящее Определение подлежит опубликованию в "Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации".

Председатель

Конституционного Суда

Российской Федерации В.Д.Зорькин

N 174-О-О

Мнение

судьи Конституционного Суда Российской Федерации

Г.А.Гаджиева

1. Уголовное дело в отношении гражданина Ю.Р.Юдина было рассмотрено коллегией из трех судей, и по делу постановлен обвинительный приговор. При ознакомлении с материалами уголовного дела

при подготовке кассационной жалобы и в ходе заседания суда кассационной инстанции защитнику осужденного было отказано в ознакомлении с особым мнением одного из судей суда первой инстанции, находящимся в материалах дела в запечатанном конверте, о существовании которого осужденный и его защитник до того не знали.

Суд кассационной инстанции отказал в ознакомлении с особым мнением судьи на том основании, что это не соответствует положениям Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации заявитель оспорил конституционность статей 301 "Порядок совещания судей при коллегиальном рассмотрении уголовного дела" и 312 "Вручение копии приговора" УПК Российской Федерации. Определением от 17 января 2012 года N 174-О-О Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии жалобы к рассмотрению.

2. С указанным мнением суда кассационной инстанции солидаризируется и Верховный Суд Российской Федерации: в своем письме от 3 ноября 2011 года он отмечает, что в уголовно-процессуальном законе содержатся положения, которые в системно-правовом единстве препятствуют ознакомлению осужденного и (или) его защитника с особым мнением судьи в случае, если уголовное дело рассмотрено коллегиальным составом суда, а приговор не вступил в законную силу. В связи с этим письмом есть основания предполагать, что подобное правопонимание норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, оспоренных заявителем, представляет собой сложившуюся правоприменительную практику, которая должна учитываться Конституционным Судом Российской Федерации при принятии жалобы к производству (статья 74 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации").

3. В соответствии со статьей 36 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" основанием для рассмотрения дела в Конституционном Суде Российской Федерации является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли оспоренная норма, с учетом сложившейся практики ее применения, Конституции Российской Федерации.

Ю.Р.Юдин оспаривает нормы закона прежде всего в том их аспекте, который касается круга лиц, имеющих право ознакомиться с особым мнением судьи по уголовному делу.

Исходя из буквального смысла оспоренных норм, можно по-разному определить круг лиц, имеющих такое право. Сложившаяся правоприменительная практика свидетельствует о том, что с особым мнением могут знакомиться только судьи, работники прокуратуры, осуществляющие надзор, и судьи вышестоящих судов, но не защитник и обвиняемый. В литературе высказаны и иные точки зрения: с особым мнением судьи могут знакомиться все лица, имеющие право и соответствующие полномочия на ознакомление с материалами дела; с особым мнением можно ознакомить стороны с разрешения председателя суда после вступления приговора в законную силу.

Возникла неясность и по поводу запечатывания особого мнения в конверт. Ни в одной норме действующего уголовно-процессуального законодательства об этом не упоминается. Только в статье 413 Модельного Уголовно-процессуального кодекса для стран СНГ, не являющегося нормативным актом, предусмотрено приобщение особого мнения к материалам дела в запечатанном конверте. Отмеченная неопределенность в том, соответствуют ли оспоренные нормы Конституции Российской Федерации, в частности принципу равенства всех перед законом и судом (статья 19), позволяет утверждать, что дело должно быть рассмотрено в публичном заседании Конституционного Суда Российской Федерации.

4. Неопределенность имеет место относительно разных аспектов оспоренных норм. В частности, необходимо выяснить, представляет собой особое мнение судьи предварительное или итоговое его суждение по уголовному делу. Если это итоговое суждение, то сторона должна обладать правом на ознакомление с ним по окончании судебного разбирательства. Неясно, означает ли установленный законом запрет оглашать особое мнение запрет и на ознакомление участников процесса с таким

мнением.

В связи с этим возникает неопределенность в вопросе о балансе конституционных ценностей: как соотносятся принципы независимости суда и судебной демократии? Не нарушает ли право на особое мнение судьи тайну совещательной комнаты или, точнее, тайну судебного разбирательства?

Возникает неопределенность и в том, что означает тайна судебного разбирательства и каковы ее пределы в соотношении с принципом независимости судей и правом судьи на изложение особого мнения.

Тайна судебного разбирательства представляет собой частный случай конфиденциальной информации. В отличие от государственной тайны и иных видов конфиденциальной информации, тайна судебного разбирательства гарантируется специально в процессуальном законодательстве. Это засекреченная информация о деятельности, которая протекает в процессе судебного разбирательства по уголовному делу на завершающей стадии уголовного процесса - при принятии решения и голосовании в коллегиальном составе суда.

Тайна судебного разбирательства по общему правилу не распространяется на имена судей в приговоре. Она гарантирует независимость судьи, и в этом ее ценность. Поэтому в целях достижения баланса между ценностью изложения судьей особого мнения по уголовному делу и обеспечением независимости судей, возможно, надо ограничить право судей на особое мнение, предъявляя требования к его содержанию, а не ограничивать право сторон на ознакомление с таким мнением.

В частности, особое мнение не является предметом тайны совещательной комнаты, поскольку в нем не подлежат разглашению "суждения, имевшие место". Положения запретительного характера, содержащиеся в статье 298 УПК Российской Федерации, надо в связи с этим истолковать в соответствии с конституционным положением о свободе выражения мнений и о судебной демократии - как не распространяющиеся на особое мнение судей по уголовным делам. Судья, излагающий особое мнение, должен с почтением относиться к таким ценностям, как авторитет суда, принцип коллегиальности.

Как судебное решение, так и особое мнение должны излагаться с соблюдением тайны разбирательства.

Конфиденциальность споров при выработке решения должна находиться под защитой закона, поэтому в совещательной комнате не могут присутствовать какие-либо третьи лица. Сохранение конфиденциальности информации о выработке итогового решения - обязанность как судей, принимающих участие в дебатах, так и администрации суда, которая должна обеспечить секретность даже в том случае, если судьи уже ушли в отставку, т. е. нет сроков, по истечении которых эта информация может быть раскрыта.

5. Только на первый взгляд проблема ознакомления с особым мнением судьи по уголовному делу представляется точечной, периферийной. На самом деле это часть системной проблемы признания или непризнания за судами права участвовать в развитии права (в том числе уголовного и уголовно-процессуального).

На эти обстоятельства уже обращалось внимание в литературе. А.Верещагин пишет об "определенной концептуальной проблеме". В России, с ее традиционно континентальным подходом к правосудию, судьи рассматриваются лишь как "оракулы права", а не создатели норм. По мнению автора, именно этот традиционный подход в конечном счете служит оправданием закрытости особых мнений.

Вне всякого сомнения, вопрос о том, кто имеет право знакомиться с особым мнением, связан с признанием или непризнанием того, что суды вправе участвовать в развитии права. В едином государстве, каким является Россия, не должны иметь место различные подходы к роли судебной практики в правообразовании в таких юрисдикциях, как суды общей юрисдикции и арбитражные суды.

Не случайно расширение возможностей судебных решений, принимаемых Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, в правообразовании сопровождается повышением статуса особых мнений. Согласно части 9 статьи 303 АПК Российской Федерации судья, несогласный с мнением большинства членов Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, вправе изложить свое особое мнение, которое приобщается к материалам дела и подлежит опубликованию вместе с постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. Именно поэтому в комментарии к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации, изданном под редакцией председателя Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А.А.Иванова (М., 2011), подчеркивается, что положения, гарантирующие право на особое мнение - как в целом по решению суда, так и по мотивам его принятия - и опубликование такого мнения вместе с постановлением Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, направлены не только на обеспечение независимости судей, но и на развитие права и правоприменительной практики.

6. Немаловажное значение имеет и то, что особое мнение судьи по уголовному делу является гарантией его независимости при коллегиальном рассмотрении дела.

Одна из системных проблем российского правосудия - усиление роли председателей судов. В этих условиях возрастает значение взаимной независимости судей, т. е. независимости судьи от председателя суда и от другого судьи. Особое мнение представляет важность для судьи в коллегиальном составе, оставшегося в меньшинстве, поскольку оно демонстрирует ментальную независимость судьи, которая повышает доверие к правосудию в целом.

Особое мнение защищает также достоинство судьи, оставшегося в меньшинстве. Он высказывается, руководствуясь своим правосознанием, а не мнением большинства.

Возможны такие ситуации в уголовном судопроизводстве, когда запрет на особые мнения вообще является безнравственным. К примеру, трудно представить, что судья не может изложить особое мнение, а стороны лишены возможности с ним ознакомиться, когда большинство судей высказались за смертный приговор.

Социальная ценность особого мнения и в том, что с его помощью судья, оставшийся в меньшинстве, доказывает, что, принимая такое решение, он руководствовался не желанием самовыразиться, что он не просто высказал свои личные предпочтения или субъективные мировоззренческие взгляды, а стоял на строго правовых позициях. Таким образом, институт особого мнения резко повышает индивидуальную ответственность каждого судьи при коллегиальном рассмотрении уголовного дела.

Иными словами, полноценное особое мнение - это способ защиты профессиональной чести судьи.

7. Итак, жалоба Ю.Р.Юдина поднимает чрезвычайно важные для конституционного права проблемы: есть аргументы как за, так и против особого мнения по уголовным делам. Эти аргументы можно подразделить на те, которые затрагивают внутреннюю деятельность коллегиального суда (коллегиальность, единство, легитимность и авторитет судебного решения), и на те, которые касаются внешней деятельности суда (правовая определенность, необходимость участия суда в развитии права).

Субъективные аргументы в пользу особых мнений судей основываются на том, что судья обладает субъективным правом на выражение собственного мнения и внутреннюю независимость.

Объективные аргументы в пользу особых мнений связаны с наличием публичного интереса к развитию права и с принципом судебной демократии.

Оценка особого мнения по уголовным делам зависит от того, как к нему относиться: то ли рассматривать его как важную проблему конституционного права, которое должно найти ответ на вопрос о том, насколько запрет на особое мнение вступит в противоречие с конституционными положениями о независимости судьи, о судебной демократии; то ли признать, что вопрос об особом мнении относится к сфере правовой политики, а значит, является исключительной дискрецией законодателя. Чему отдать предпочтение - тайне судебного разбирательства, юридической фикции

единого суда или же принципу демократии и принципу правового государства, которые "покрывают" право судьи на особое мнение? По всей видимости, необходим поиск баланса между этими конституционными ценностями. Поэтому я выражаю несогласие с мнением большинства судей и считаю, что жалоба Ю.Р.Юдина должна быть рассмотрена в публичном заседании.

Особое мнение не ослабляет, а, напротив, усиливает авторитет суда. Оно устраняет лицемерие, демонстрируя то, что знают все: два юриста - это всегда три мнения. Хорошее особое мнение направлено на разрешение особо сложных юридических проблем, оно может подсказать, как избежать судебных ошибок в будущем. В этом смысле есть несомненная корреляция между правом на особое мнение, либерализацией судебной практики, развитием права в судебных актах и конституционным принципом демократии.

Особое мнение способствует повышению уровня правосознания общества, оно гарантирует справедливое открытое разбирательство дела, способствует общественным дебатам о праве, диалогу между судами разных инстанций, выступающему основным содержанием судебной демократии, привлекает внимание ученых и законодателей к назревшим проблемам права.

Особое мнение судьи - это не жалоба проигравшего, а аргумент возможного победителя в сложном диспуте о развитии права. Правовая определенность как элемент нормативного содержания принципа правового государства означает, что из сферы правового регулирования необходимо устранять двойственные, амбивалентные нормы с неопределенным юридическим смыслом.

Как отмечает А.Верещагин, в оспоренных заявителем нормах видны все признаки того подхода к особым мнениям судей, который уже давно укоренился в отечественной правовой доктрине, а именно: особые мнения суть явление нежелательное, однако избежать его нельзя; особые мнения надо держать в тайне от сторон и широкой публики; единственная полезная функция письменных особых мнений состоит в том, чтобы помогать вышестоящим судам в пересмотре решений, вызвавших разногласия в коллегиальном составе судей.

Именно сложность юридической проблемы привела законодателя и правоприменительную практику к созданию модели неопределенности по поводу круга лиц, которые должны иметь доступ к особым мнениям судей по уголовным делам. Эта модель построена на том, что в законодательстве отсутствует как явный запрет, так и прямое дозволение кому-либо, кроме судей и прокуроров, знать содержание особых мнений. Однако эта модель может породить избирательное правоприменение, что противоречит принципу равенства перед законом и судом.

Необходимо также проверить, не вступают ли оспоренные заявителем нормы в противоречие со следующими нормативными положениями: органы государственной власти, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом (статья 24, часть 2, Конституции Российской Федерации); каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (статья 29, часть 4, Конституции Российской Федерации); каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона (пункт 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). При этом именно публичный характер правосудия должен защищать стороны в уголовном процессе от тайного отправления правосудия, от запечатанных конвертов, в которых содержатся особые мнения судей.

Верещагин А. Особые мнения в российских судах // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. N 4. С. 1078.

Верещагин А. Указ. соч.

Мнение

судьи Конституционного Суда Российской Федерации

Г.А.Жилина

Воздерживаясь от оценки конституционности оспоренных нормативных положений, выражаю несогласие с Определением Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 года N 174-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ю.Р.Юдина на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 УПК Российской Федерации по следующим основаниям.

1. В своей жалобе Ю.Р.Юдин, осужденный за совершение преступления к лишению свободы приговором, постановленным коллегиальным составом суда, просил признать неконституционными взаимосвязанные положения названных норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в той части, в какой они препятствуют осужденному и его защитнику знакомиться с особым мнением судьи. По мнению заявителя, применение оспоренных норм в его деле привело к нарушению его прав, гарантированных статьями 24 (часть 2), 45 (часть 2) и 48 Конституции Российской Федерации.

Из материалов дела следует, что в заседании суда кассационной инстанции адвокат, осуществляющий защиту Ю.Р.Юдина, а также сам осужденный заявили ходатайства об ознакомлении их с особым мнением судьи, приобщенным к приговору. Однако суд кассационной инстанции отказал в удовлетворении данных ходатайств, сославшись на то, что они не соответствуют требованиям закона. По мнению Верховного Суда Российской Федерации, изложенному в письме от 3 ноября 2011 года в ответ на запрос Конституционного Суда Российской Федерации в связи с жалобой Ю.Р.Юдина, положения части пятой статьи 301 и статьи 312 УПК Российской Федерации - согласно которым особое мнение оглашению в зале судебного заседания не подлежит, а участникам процесса вручается лишь копия приговора - в их взаимосвязи с положениями статьи 298 и части второй статьи 303 того же Кодекса о тайне совещательной комнаты и обязанности судьи, оставшегося при особом мнении, подписать приговор препятствуют ознакомлению осужденного и его защитника с особым мнением судьи.

Следовательно, оспоренным положениям закона, примененным в деле Ю.Р.Юдина, толкованием Верховного Суда Российской Федерации и судебной практикой придается смысл, согласно которому они содержат запрет предоставлять осужденному и его защитнику для ознакомления особое мнение судьи.

2. Отказывая заявителю в принятии жалобы к рассмотрению, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что оспоренные им законоположения не нарушают его конституционных прав, в связи с чем жалоба не отвечает требованиям допустимости обращений в Конституционный Суд Российской Федерации. Однако вывод о недопустимости жалобы не согласуется со статьей 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", в соответствии с которой жалоба на нарушение конституционных прав и свобод допустима, если примененный в конкретном деле закон затрагивает права и свободы граждан. Что же касается вывода об отсутствии нарушения конституционных прав заявителя, то он преждевременен, поскольку сделан без исследования в установленном порядке (главы VII и XII Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации") доводов Ю.Р.Юдина, без сопоставления в надлежащем порядке оспоренных норм (с учетом придаваемого им судами общей юрисдикции смысла) с соответствующими конституционными положениями.

Так, согласно статье 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации органы государственной власти и их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Конкретизируя данное конституционное положение применительно к процессуальному статусу обвиняемого (подсудимого, осужденного, оправданного) в уголовном судопроизводстве, пункт 12 части четвертой статьи 47 УПК Российской Федерации предусматривает,

что указанный участник процесса вправе знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела и выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме. При этом никакого исключения для особого мнения судьи не делается, соответствующим правом в силу установленного законом ограничения нельзя воспользоваться лишь до окончания предварительного расследования.

Очевидно также, что это право указанного субъекта судопроизводства, государственная защита прав и свобод которого, включая судебную защиту, гарантируется, - одно из необходимых условий обеспечения ему возможности защищаться от уголовного преследования всеми способами, не запрещенными законом (статьи 2, 18, 45 и 46 Конституции Российской Федерации). Соответственно, правом на ознакомление со всеми материалами дела после окончания предварительного расследования на любом этапе судопроизводства наделяется и защитник указанного субъекта судопроизводства (статья 49 УПК Российской Федерации), иное препятствовало бы получению обвиняемым (подсудимым, осужденным, оправданным) квалифицированной юридической помощи, гарантированной ему статьей 48 Конституции Российской Федерации.

Как следует из материалов дела, приведенные положения уголовно-процессуального закона, основанные на Конституции Российской Федерации, вопреки требованиям статьи 1 УПК Российской Федерации при выявлении судами общей юрисдикции смысла оспоренных Ю.Р.Юдиным норм не принимались во внимание. Не учитывалось также, что оспоренные нормы сами по себе не содержат противоречащих пункту 12 части четвертой статьи 47 УПК Российской Федерации положений о запрете на ознакомление осужденного с особым мнением судьи. Из них применительно к предмету заявленного в Конституционном Суде Российской Федерации спора лишь следует, что особое мнение судьи не оглашается в судебном заседании, а его копия не вручается участникам процесса, в то время как осужденный и его защитник ходатайствовали только об ознакомлении с данным процессуальным документом.

Вряд ли по своему действительному смыслу блокируют право указанных субъектов процесса на ознакомление со всеми материалами дела и положения статьи 298 и части второй статьи 303 УПК Российской Федерации о тайне совещательной комнаты и обязанности судьи, оставшегося при особом мнении, подписать приговор. Особое мнение, изложенное в форме самостоятельного процессуального документа, содержит не предварительные суждения судьи в совещательной комнате, а его окончательные выводы по вопросам, подлежащим разрешению коллегиальным судом при постановлении приговора, а также мотивы несогласия с позицией остальных судей.

Соответственно, сомнительно, что на этот итоговый процессуальный документ, как и на приговор, с которым не согласен судья, оставшийся при особом мнении, но который он обязан подписать в силу требований закона, может распространяться режим тайны совещательной комнаты.

3. Основанием к рассмотрению дела Конституционным Судом Российской Федерации является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции Российской Федерации оспоренный закон; при этом Конституционный Суд Российской Федерации обязан принимать решение по делу, оценивая как буквальный смысл рассматриваемого закона, так и смысл, придаваемый ему официальным и иным толкованием или сложившейся правоприменительной практикой, а также исходя из его места в системе правовых актов (статьи 36 и 74 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации"). Оспоренные положения закона в их истолковании судами общей юрисдикции воспрепятствовали осужденному и его защитнику ознакомиться с особым мнением судьи, хотя согласно части пятой статьи 301 УПК Российской Федерации оно приобщается к приговору и, соответственно, составляет вместе с ним неотъемлемую часть материалов уголовного дела. В связи с этим возникает вопрос о соотношении оспоренных нормативных положений не только с другими положениями уголовно-процессуального закона, но и с требованиями Конституции Российской Федерации, по поводу чего в судебной практике с учетом обстоятельств настоящего дела существует полная неопределенность.

Такая неопределенность применительно к делу заявителя будет и в том случае, если допустить, что оспоренные нормы во взаимосвязи с другими отраслевыми нормами действительно содержат запрет на ознакомление осужденного и его защитника с особым мнением судьи. Значение особого мнения для участников уголовного судопроизводства заключается в том, что оно содержит аргументированную позицию одного из судей, отличающуюся от выводов коллегиального суда в приговоре. Следовательно, особое мнение может повлиять на решение вышестоящей судебной инстанции, в том числе с негативным результатом для того или иного участника процесса, в связи с чем вряд ли возможен вывод, что данный процессуальный документ не затрагивает права и свободы граждан - субъектов судопроизводства.

Конституционный Суд Российской Федерации в своих решениях неоднократно указывал, что ограничение права знакомиться со сведениями, документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы гражданина, в том числе находящимися в уголовном деле, допустимо лишь федеральным законом в конституционно значимых целях; при этом законодатель, ограничивая соответствующее право, исходя из принципа соразмерности не может использовать способы регулирования, которые посягали бы на само существо права в сфере информации, ставили бы его в зависимость от решения правоприменителя (постановления от 18 февраля 2000 года N 3-П, от 27 июня 2000 года N 11-П, Определение от 12 мая 2003 года N 173-О и др.).

4. Таким образом, оспоренные Ю.Р.Юдиным положения закона были применены судом и затрагивают его конституционные права, поэтому его жалоба отвечает критерию допустимости (статья 97 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации"). Отсутствуют и другие основания для отказа в принятии обращения к рассмотрению, в связи с чем жалобу заявителя следовало принять к рассмотрению (статьи 42 и 43 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации").

Мнение

судьи Конституционного Суда Российской Федерации

С.Д.Князева

Проголосовав против принятия Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 17 января 2012 года N 174-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ю.Р.Юдина на нарушение его конституционных прав статьями 301 и 312 УПК Российской Федерации, считаю необходимым воспользоваться предоставленной статьей 76 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации" правом на изложение особого мнения, поскольку принципиально не согласен ни с мотивировочной, ни с резолютивной частями данного решения. В этой связи прежде всего хотелось бы обратиться к текстуальному содержанию оспариваемых законоположений, применение которых в деле заявителя послужило основанием для отказа в ознакомлении с особым мнением одного из судей, входившего в состав постановившего приговор суда. По сути, нарушение своих конституционных прав Ю.Р.Юдин связывает с предписаниями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которым судья, оставшийся при особом мнении по поставленному приговору, вправе письменно изложить его в совещательной комнате; особое мнение приобщается к приговору и оглашению в зале судебного заседания не подлежит (часть пятая статьи 301); в течение пяти суток со дня провозглашения приговора его копии вручаются осужденному или оправданному, его защитнику и обвинителю (статья 312). На первый взгляд, приведенные нормы уголовно-процессуального закона сами по себе вовсе не делают невозможным ознакомление осужденного и его защитника с особым мнением судьи, запрещая лишь оглашать его в зале судебного заседания. Прямое указание на приобщение особого мнения судьи к приговору вполне может быть истолковано таким образом, что это мнение становится единым целым с постановленным приговором и, как следствие, судом должно быть обеспечено вручение его копии осужденному в рамках исполнения обязанности, закрепленной в

статье 312 УПК Российской Федерации.

Однако сложившаяся судебная практика исходит из прямо противоположной интерпретации оспоренных норм. При этом основная мотивация отказа в ознакомлении с особым мнением сводится к тому, что в противном случае будет нарушено требование части второй статьи 298 УПК Российской Федерации, в соответствии с которой судьи не вправе разглашать суждения, имевшие место при обсуждении и постановлении приговора. Именно руководствуясь подобными соображениями, выводимыми из системно-правового единства статей 298, 301 и 312 УПК Российской Федерации, суды принимают меры к тому, чтобы особое мнение было недоступно иным участникам уголовного судопроизводства, что обеспечивается посредством его запечатывания в отдельный конверт (с соответствующей пометкой), с содержимым которого в последующем вправе знакомиться лишь сами представители судебной власти.

При таком подходе неминуемо возникает вопрос: как указанные действия сопрягаются с разрешительным ("можно только то, что прямо разрешено законом") типом правового регулирования правомочий суда? Ведь ни одно из известных положений уголовно-процессуального закона не оговаривает необходимости сокрытия, да еще и в таком формате, особого мнения судьи от осужденного и его защитника, равно как и от иных заинтересованных участников процесса. Тем не менее, даже при всей своей значимости, вряд ли ответ на данный вопрос способен полностью прояснить ситуацию, поскольку если согласиться с тем, что особое мнение предназначено исключительно для "внутрисудебного" использования, то просто необходимо так или иначе обеспечивать соответствующий режим его хранения.

Гораздо важнее другое: действительно ли ознакомление с особым мнением судьи несовместимо с запретом на разглашение тайны совещательной комнаты? Думается, что для утвердительного ответа на этот вопрос отсутствуют веские основания.

Во-первых, уголовно-процессуальный закон устанавливает, что судьи не вправе разглашать суждения, имевшие место при обсуждении и постановлении приговора. Это правило, безусловно, должно соблюдаться судьей и при изложении особого мнения, которое представляет собой его итоговую позицию, выражающую мотивированное несогласие с приговором. И в данном качестве особое мнение, конечно же, не может рассматриваться как посягательство на тайну совещания судей.

Во-вторых, обязанность судьи соблюдать тайну совещательной комнаты носит абсолютный характер и не предполагает никаких исключений, в том числе и по отношению к судьям вышестоящих судов. Поэтому если руководствоваться приоритетом сохранения тайны совещательной комнаты, то следует сделать вывод, что знакомиться с особым мнением судьи не вправе никто, даже суды кассационной и надзорной инстанций. Но в этом случае уголовно-процессуальный институт особого мнения судьи утрачивает всякий смысл.

В-третьих, нельзя не учитывать, что запрет на разглашение тайны совещательной комнаты известен не только уголовному, но и другим - конституционному, административному, гражданскому - видам судопроизводства. При этом, как в силу прямого указания закона, так и вследствие его системного прочтения, в указанных видах судопроизводства суды обычно не усматривают в ознакомлении участников процесса с особым мнением (в том числе посредством его опубликования) опасности посягательства на тайну судейского совещания.

Изложенное позволяет, как минимум, усомниться в том, что именно запрет на разглашение тайны совещательной комнаты делает невозможным доступ заинтересованных лиц, включая осужденного и его защитника, к особому мнению судьи. Не случайно в юридической науке широко распространены взгляды, согласно которым осужденному, его защитнику, а также иным участникам уголовного судопроизводства должно быть обеспечено право на ознакомление с особым мнением судьи.

Основанием для подобного вывода может служить, как бы это странно ни выглядело,

последовательное системное восприятие и применение уголовно-процессуального законодательства. Особое значение в этом смысле приобретает пункт 12 части четвертой статьи 47 УПК Российской Федерации, закрепляющий право обвиняемого знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела и выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме. Принимая же во внимание положения части второй статьи 47 УПК Российской Федерации, ориентирующей суды и иных правоприменителей на то, что титулы подсудимого и осужденного являются лишь модификациями статуса обвиняемого, обусловленными стадийным устройством уголовного судопроизводства, следует сделать однозначный вывод: осужденный также имеет право на ознакомление со всеми материалами уголовного дела, включая и особое мнение судьи.

На этом фокусирует судебское внимание и правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации, согласно которой, связывая соответствующее право обвиняемого с окончанием предварительного расследования, законодатель определяет момент, с которого все материалы уголовного дела становятся доступными для обвиняемого, но не ограничивает возможность его реализации только данным этапом уголовного судопроизводства, вследствие чего такое законодательное регулирование не может расцениваться как препятствующее ознакомлению с материалами уголовного дела в целях реализации обвиняемым права на защиту и на последующих этапах судопроизводства, как после поступления дела в суд, так и после вынесения приговора (Определение от 23 мая 2006 года N 189-О).

Таким образом, право осужденного на ознакомление с особым мнением судьи вытекает непосредственно из отраслевой природы и законодательного оформления соответствующего института в уголовном судопроизводстве.

Что же касается устоявшейся судебной практики, то она, как представляется, продиктована инерционным воспроизводством тех стереотипов, которые сложились во времена советского уголовного процесса с его весьма "сдержанным" отношением к праву обвиняемого на защиту, независимости и самостоятельности судей, состязательности и равноправия сторон уголовного судопроизводства, публичному и открытому отправлению правосудия. Во всяком случае, то обстоятельство, что уголовно-процессуальные кодексы практически всех постсоветских стран (Азербайджан, Киргизия, Латвия, Таджикистан, Туркменистан и др.) не оговаривают права осужденного на доступ к особому мнению судьи, свидетельствует в пользу такого вывода. Если же обратиться к законодательству западноевропейских государств, то в тех из них, где за судьями в той или иной форме признана возможность изложения особого мнения, прямо или косвенно гарантируется право осужденного на ознакомление с ним. Так, в Швеции в соответствии с Кодексом судебного процесса особое мнение должно быть доведено до сведения сторон одновременно с постановлением суда и тем же способом, что и последнее (статья 9). А в Испании согласно Закону об уголовном судопроизводстве особые мнения хотя и не включаются в копии судебных постановлений, выдаваемых судами, однако в случае подачи и принятия кассационной жалобы направляются в Верховный Суд и предаются гласности (статья 157). Да и практика международных судебных органов (Европейский Суд по правам человека, Международный уголовный суд и др.) также основана на модели открытости особых мнений судей, причем не только для участников судопроизводства.

Все это позволяет констатировать, что смысл, придаваемый оспариваемым положениям статей 301 и 312 УПК Российской Федерации судами общей юрисдикции, не может восприниматься как адекватный действующему законодательному регулированию, в особенности если учитывать доктрину уголовного процесса, а также международный и зарубежный опыт отправления правосудия, в том числе уголовного.

Вместе с тем при всей значимости данного вывода важно учитывать, что для Конституционного Суда Российской Федерации принципиальное значение имеет не отраслевое истолкование

рассматриваемых законоположений, а их соотношение с Конституцией Российской Федерации. Представляется, что под этим углом зрения они нуждаются в сопоставлении с целым рядом конституционных норм.

В соответствии со статьей 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации органы государственной власти, органы местного самоуправления и их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом. Из содержания данного конституционного положения очевидно, что любая информация, содержащаяся в любых документах и материалах, должна быть доступна любому лицу, если она непосредственно касается его прав и свобод. Исключения из этого правила могут быть предусмотрены только федеральным законом и только в конституционно значимых целях (статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации). Поскольку уголовно-процессуальный закон не устанавливает запрета на ознакомление осужденного с особым мнением судьи, то любые попытки воспрепятствования ему в доступе к данному документу выглядят крайне сомнительными. При этом вряд ли они могут быть оправданы тем, что особое мнение судьи само по себе не влияет на правовой статус осужденного, не приводит к изменению его прав и обязанностей и, как следствие, непосредственно не затрагивает их, в отличие от приговора. Такое истолкование фактически приводит к ограничению права, закрепленного в статье 24 (часть 2) Конституции Российской Федерации, так как увязывает возможность его реализации только с документами, оказывающими прямое регулирующее воздействие на права и свободы граждан. Однако даже буквальное прочтение соответствующих конституционных установлений дает основание полагать, что они имеют целью обеспечить доступ граждан ко всем документам (более того - и к материалам, не относящимся к документам), непосредственно касающимся прав и свобод, если иное не установлено законом.

Согласно статье 45 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод (часть 1); каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (часть 2). Как уже отмечалось, уголовно-процессуальный закон не содержит запрета на ознакомление осужденного с особым мнением судьи. Соответственно, сформировавшаяся в судах общей юрисдикции практика применения оспоренных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации вызывает большие вопросы на предмет ее соответствия предписаниям статьи 45 (часть 2) Конституции Российской Федерации, в особенности во взаимосвязи с положениями ее статьи 50 (часть 3), предусматривающей, что каждый осужденный имеет право на пересмотр приговора вышестоящим судом.

На основании статьи 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод. Данное право, равно как и иные конституционные права и свободы, в силу статей 15 (часть 4) и 17 (часть 1) Конституции Российской Федерации должно признаваться и обеспечиваться согласно общепризнанным принципам и нормам международного права; если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применению подлежат правила международного договора.

В соответствии с пунктом 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Интерпретируя данное положение Конвенции, Европейский Суд по правам человека в ряде своих решений прямо указывал, что в любом случае право на состязательный процесс, являющееся одним из элементов более широкого понятия справедливого судебного разбирательства, в принципе предполагает право сторон, участвующих в процессе, на ознакомление с любым документом или объяснением, представленным суду с целью оказать влияние на его решение или поставить его под сомнение (постановления от 20 февраля 1996 года по делу "Лобо Мачадо (Lobo Machado) против Португалии", от 26 февраля 2002 года по

делу "Фретте (Frette) против Франции" и от 7 июня 2007 года по делу "Ларин и Ларина против России").

Конституционный Суд Российской Федерации также неоднократно отмечал, что неотъемлемым элементом механизма реализации права каждого на судебную защиту является эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости и обеспечивающего охрану прав и свобод человека и гражданина от произвола властей (постановления от 19 марта 2010 года N 7-П, от 19 июля 2011 года N 17-П и др.).

Соответственно, при оценке взаимосвязанных положений статей 301 и 312 УПК Российской Федерации, трактуемых в судебной практике как исключающие ознакомление осужденного и его защитника с особым мнением судьи, не может быть обойден стороной и вопрос о том, насколько они согласуются с приведенными правовыми позициями Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека, раскрывающими содержание права на справедливый суд. Как следует из части второй статьи 36 Федерального конституционного закона "О Конституционном Суде Российской Федерации", основанием для принятия жалобы на нарушение конституционных прав и свобод к рассмотрению является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспоренные законоположения. Поскольку наличие такой неопределенности применительно к части пятой статьи 301 и статье 312 УПК Российской Федерации не вызывает сомнений, считаю, что Конституционный Суд Российской Федерации имел веские основания для принятия жалобы Ю.Р.Юдина к рассмотрению.

В заключение хотелось бы заметить, что еще в начале прошлого столетия известный французский конституционалист Л.Дюги подчеркивал, что государство только тогда может быть правовым, когда оно ответственно за нарушение закона судебной властью, и только при условии, что оно организовало против судебных решений (в том числе - в исключительных случаях - уже вступивших в законную силу) некоторые способы обжалования, даже если виновность осужденного казалась очевидной, так как, если осудили человека, оказавшегося невиновным, справедливость требует исправления ошибки судей и возмещения ущерба. Нет нужды доказывать, что отказ осужденному в ознакомлении с особым мнением судьи не способствует выявлению и исправлению дефектов неправосудного приговора и тем самым оставляет открытым вопрос о том, насколько Российская Федерация соответствует своей конституционной характеристике как правового государства, в котором высшей ценностью являются человек, его права и свободы, определяющие смысл, содержание и применение законов и обеспечиваемые правосудием.

В юридической литературе справедливо отмечается, что закон ничего не говорит ни о его тайне, ни о запечатанных конвертах или каких-либо иных способах, призванных обеспечить охрану особого мнения от осужденного и других участников уголовного судопроизводства (Халдеев Л.С. Судья в уголовном процессе. М., 2000. С. 281).

См., напр.: Бунина А.В. Приговор как акт правосудия. Его свойства. Оренбург, 2005. С. 62-63; Петрухин И.Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России. Ч. II. М., 2005. С. 115; Суханова Н.Н. Особое мнение судьи при постановлении приговора // Российский судья. 2007. N 10. С. 47; Фадеева Е.И. Особое мнение судьи по приговору // Российский судья. 2010. С. 19.

Более того, нередко в изданиях самого серьезного уровня можно обнаружить утверждения, что об особом мнении судьи должна в обязательном порядке делаться соответствующая отметка в протоколе судебного заседания. Иллюстрацией к сказанному является, в частности, комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, изданный с предисловием председателя Комитета Государственной Думы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству П.В.Крашенинникова (Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий к Кодексу. М., 2009. С. 470).

Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М., 1908. С. 936-937.

Мнение

судьи Конституционного Суда Российской Федерации

М.И.Клеандрова

Гражданин Ю.Р.Юдин обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой, поводом к подаче которой послужили отказы судов ознакомить его защитника с имеющимся в материалах его уголовного дела особым мнением одного из трех судей, рассмотревших дело в первой инстанции и вынесших по нему обвинительный приговор. По мнению Ю.Р.Юдина, статьи 301 и 312 УПК Российской Федерации, которыми руководствовались суды первой и кассационной инстанций, отказывая в ознакомлении с особым мнением судьи, запечатанном в приобщенном к материалам уголовного дела конверте, не позволяют воспользоваться при составлении кассационной жалобы доводами, содержащимися в особом мнении, для обоснования своей позиции и потому противоречат статьям 24 (часть 2), 45 (часть 2) и 48 Конституции Российской Федерации.

Определением от 17 января 2012 года N 174-О-О Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии к рассмотрению жалобы Ю.Р.Юдина, обосновав свое решение тем, что оспоренные им нормы, как и фактически сложившаяся в данном деле правоприменительная ситуация, не нарушают его конституционные права.

С таким решением не могу согласиться по причинам принципиального характера.

Что есть особое мнение судьи - с абсолютно формальной точки зрения? Документ, являющийся неотъемлемой частью материалов уголовного дела, ибо считать иначе нет не только никаких оснований, но даже никакой возможности. В таком случае возникает вопрос: есть ли в уголовно-процессуальном законодательстве отграничение, "засекречивающее" особое мнение судьи в массиве материалов уголовного дела от осужденного (его защитника)? Такого отграничения в современном уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации нет. Тогда возникает следующий, резонный, базовый вопрос: имеет ли право осужденный (его защитник) знакомиться со всеми материалами уголовного дела, в данном случае - по завершении процесса в первой инстанции?

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, в его действующей редакции, прямого положительного, как и прямого отрицательного, ответа на сей вопрос нет.

Пункт 12 части четвертой статьи 47 УПК Российской Федерации говорит о праве осужденного знакомиться со всеми материалами уголовного дела лишь по окончании предварительного расследования, а пункт 17 этой же части - о праве знакомиться с протоколом судебного заседания и подавать на него замечания после, естественно, завершения судебного процесса. Правда, пункт 13 этой части предоставляет осужденному право снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств, но тут непонятно: или речь идет лишь о материалах предварительного расследования, или о материалах уголовного дела по завершении его рассмотрения судом первой инстанции. Второй вариант означает право осужденного снимать копию и с особого мнения судьи. Первый же вариант означает, в связке с пунктом 17 и иными пунктами части четвертой статьи 47 УПК Российской Федерации, отсутствие у осужденного и его защитника права знакомиться со всеми теми материалами, которые были приобщены к уголовному делу в ходе процесса в суде первой инстанции (как минимум).

И первый, и второй (а третьего нет!) варианты предопределяют следующие выводы. В первом - оспариваемые нормы (в системе норм) неконституционны в силу, в том числе, большой неопределенности (можно ли в принципе снимать копии со всех материалов дела, включая особое мнение судьи, без ознакомления с этим особым мнением?).

Во втором: не позволяя (запрещая? прямо не предусматривая?) осужденному (его защитнику) знакомиться со всеми материалами уголовного дела по завершении процесса в суде первой инстанции (в том числе знакомиться с особым мнением судьи как неотъемлемой частью материалов

дела), оспоренные нормы в системном единстве с иными законодательными нормами и с учетом правоприменительной практики по данному уголовному делу противоречат следующим положениям Конституции Российской Федерации:

статье 24 (часть 2) - речь идет о праве на информацию, непосредственно затрагивающую права и свободы заявителя, а ведь статья 140 УК Российской Федерации за неправомерный отказ должностного лица в предоставлении такой информации предусматривает уголовную ответственность, да и ограничение этого права никак не подпадает под действие статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации;

статье 45 (часть 2), провозгласившей право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом;

статье 123 (часть 3), согласно которой правосудие осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон, - сторона обвинения ведь может, в реальности, знакомиться абсолютно со всеми материалами уголовного дела и по завершении процесса в суде первой инстанции, включая особое мнение судьи, а значит, нарушаются принципы и состязательности, и равноправия сторон, а эти принципы, как известно, распространяются на все стадии уголовного судопроизводства. Сама неопределенность в вопросе о праве осужденного (его защитника) знакомиться со всеми без исключения материалами уголовного дела после завершения процесса нелогична: если пункт 12 части четвертой статьи 47 УПК Российской Федерации предоставляет обвиняемому право знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела, а пункт 17 этой части дает ему право знакомиться с протоколом судебного заседания, то какие - в принципе - в уголовном деле после завершения процесса, причем открытого, в суде первой инстанции могут появиться новые документы, с которыми нельзя было бы ознакомиться осужденному (его защитнику)? Ведь даже если там появятся документы, содержащие сведения, составляющие государственную тайну, то в силу части пятой статьи 49 УПК Российской Федерации защитник, не имеющий допуска к таким сведениям, просто дает подписку об их неразглашении - и знакомится.

И здесь важно, что статья 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации говорит о состязательном построении процесса как об общеотраслевом принципе, действующем во всех видах судопроизводства, перечисленных в ее статье 118 (часть 2).

Из закрепленных в статье 118 (часть 2) Конституции Российской Федерации четырех видов судопроизводства три - уголовное, гражданское и административное - имеют дело с анализом и оценкой фактических обстоятельств дела, с доказательствами и т. п. Гражданское судопроизводство в той его части, которая осуществляется арбитражными судами и регламентируется Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, прямо предписывает всем участникам процесса знакомиться - по его завершении в суде первой инстанции - со всеми материалами дела (согласно части 1 статьи 41 АПК Российской Федерации "лица, участвующие в деле, имеют право знакомиться с материалами дела, делать выписки из них... знакомиться с особым мнением судьи по делу"). Гражданское судопроизводство в той его части, которая осуществляется судами общей юрисдикции и регламентируется Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации, также предоставляет всем участникам процесса право знакомиться - по его завершении в суде первой инстанции - с материалами дела (в соответствии с частью первой статьи 35 ГПК Российской Федерации "лица, участвующие в деле, имеют право знакомиться с материалами дела, делать выписки из них"). Административное судопроизводство, функционирующее в публично-правовой сфере, что сближает его с уголовным судопроизводством, также прямо предписывает ознакомление всех участников процесса, по его завершении в суде первой инстанции, со всеми материалами дела - и когда оно осуществляется арбитражными судами и регламентируется Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации, и когда оно осуществляется судами общей юрисдикции и регламентируется, за

отсутствием собственного процессуального закона, Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации. И даже судопроизводство, осуществляемое Дисциплинарным судебным присутствием (которое наполовину состоит из судей Верховного Суда Российской Федерации), не только предусматривает право сторон знакомиться с особым мнением судьи - члена Дисциплинарного судебного присутствия, но и устанавливает обязанность опубликовать его (пункт 9 статьи 19 Регламента Дисциплинарного судебного присутствия, утвержденного постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2010 года N 3/2).

Но уголовно-процессуальное законодательство прямого предписания о праве осужденного (его защитника) знакомиться со всеми материалами дела по завершении процесса в суде первой инстанции не содержит. Однако оно не содержит и запрета на такое ознакомление, и в этом заключается серьезная его неопределенность. Часть пятая статьи 301 УПК Российской Федерации лишь предусматривает, что судья, оставшийся при особом мнении по постановленному приговору, вправе письменно изложить его в совещательной комнате; особое мнение приобщается к приговору и оглашению в зале судебного заседания не подлежит.

Но запрет на оглашение особого мнения судьи в зале судебного заседания отнюдь не означает запрета на ознакомление с ним осужденного (его защитника) как в зале судебного заседания (об этом в данном деле речи нет), так и вне этого зала - при ознакомлении с материалами всего, вместе с особым мнением судьи, уголовного дела в ходе составления кассационной жалобы (именно об этом здесь идет речь); даже не означает запрета на оглашение особого мнения судьи вне зала судебного заседания, причем в любой форме (об этом в данном деле речи также нет).

Ведь очевидно, что запрет на оглашение и запрет на ознакомление - не одно и то же, что не являются синонимами такие действия, как оглашение - общее - в зале и ознакомление конкретных лиц вне зала, в специально отведенном для этого помещении суда.

Не лишено любопытства то обстоятельство, что раньше соответствующее право у осужденного (его защитника) было. Так, пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 августа 1988 года N 5 (в редакции постановления от 25 октября 1996 года N 10) "О повышении роли судов кассационной инстанции в обеспечении качества рассмотрения уголовных дел" гласил: "Суд кассационной инстанции обязан проверить, обеспечены ли гарантированные законом права участников процесса в период подготовки дела для кассационного рассмотрения, а именно... обеспечено ли их право ознакомиться в суде с производством по делу". Раз здесь не было изъятий, значит, имелось в виду все производство по делу, заверщенное в суде первой инстанции, включая особое мнение судьи. Но в этом же постановлении в редакции постановления от 6 февраля 2007 года N 7 такого указания уже нет.

Вместе с тем не было и не появилось запрета на ознакомление всех участников процесса, в том числе осужденного и его защитника, со всеми материалами уголовного дела, вообще и на любой стадии процесса, и в частности - с особым мнением судьи на стадии кассационного обжалования приговора.

Одновременно следует отметить и отсутствие сегодня какой-либо нормативной регламентации относительно запечатывания в конверт, приобщаемый к уголовному делу, особого мнения судьи. Этой регламентации нет ни в Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 29 апреля 2003 года N 36 (как в ее разделе 7 "Оформление уголовных и гражданских дел после их рассмотрения", так и в иных ее разделах; зато ее пункт 12.1 установил, что "судебные дела выдаются для ознакомления в помещении суда при предъявлении... осужденными... документа, удостоверяющего личность... адвокатами... ордера юридической консультации и удостоверения личности", - но если уголовное дело в таком режиме выдается осужденному и адвокату, значит, Инструкция, поскольку нигде не говорится об ином, предусматривает выдачу для ознакомления и

приобщенного к делу особого мнения судьи как его части, независимо от неупоминания о запечатывании этого документа в особый конверт), ни в Инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов, утвержденной приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 15 декабря 2004 года N 161, ни в других подобных актах. Вообще-то, раньше такое регулирование имело место. Например, пункт 3.9 Регламента арбитражных судов Российской Федерации, утвержденного постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 июня 1996 года N 7, гласил: "Особое мнение судьи приобщается к материалам дела и хранится в запечатанном конверте. Лица, участвующие в деле, с особым мнением не знакомятся". Но в сегодняшней редакции Регламента (постановление от 4 марта 2010 года N 12) всякое упоминание о запечатывании особого мнения судьи в конверт и о запрете знакомиться с ним лицам, участвующим в деле, исчезло - пункт 4 действующего Регламента лишь устанавливает: "Особое мнение приобщается к материалам дела". Таким образом, можно сказать, что запечатывание особого мнения судьи в конверт с дальнейшим приобщением этого конверта к материалам уголовного дела на каком-либо нормативном акте (предписании) не основано. Какой-либо обобщенной судебной практики по данному вопросу нет. Верховным Судом Российской Федерации лишь дважды, в 2002 и 2004 годах, рассматривался вопрос об особом мнении судьи, и то лишь в контексте права на такое мнение народных заседателей.

По сути дела, признавая оспоренные нормы, с учетом явно не сложившейся правоприменительной практики, соответствующими Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации сам, фактически - по собственной инициативе, узаконил запрет на ознакомление осужденного (его защитника) с особым мнением судьи, поскольку доселе никто и нигде, ни в каком нормативном предписании такого запрета не устанавливал.

Почему? Ради чего? Опасения, что судья в своем особом мнении раскроет тайну совещательной комнаты, безосновательны: во-первых, часть вторая статьи 298 УПК Российской Федерации прямо предусматривает, что судья не вправе разглашать суждения, имевшие место при обсуждении и постановлении приговора, а пункт 8 части второй статьи 381 того же Кодекса нарушение тайны совещания судей при постановлении приговора называет основанием отмены или изменения судебного решения, причем - в любом случае. Кроме того, установленный данным Определением Конституционного Суда Российской Федерации запрет прямо противоречит, как сказано выше, статьям 24 (часть 2), 45 (часть 2) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Неопределенность оспоренных норм - в системе норм - создает возможность произвольного решения соответствующего вопроса работниками суда, в компетенцию которых входит выдача уголовного дела (целиком или без особого мнения судьи) осужденному и его защитнику. Но ведь Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно указывал, что общеправовой критерий формальной определенности, ясности, недвусмысленности правовой нормы (формальной определенности закона), обусловленный природой нормативного регулирования в правовых системах, основанных на верховенстве права, непосредственно вытекает из закрепленных Конституцией Российской Федерации принципа юридического равенства (статья 19, части 1 и 2) и принципа верховенства Конституции Российской Федерации и основанных на ней федеральных законов (статья 4, часть 2; статья 15, части 1 и 2); неопределенность содержания правовых норм влечет неоднозначное их применение, создает возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения и ведет к произволу, а значит - к нарушению названных принципов, следование которым не может быть обеспечено без единообразного понимания и толкования правовой нормы всеми правоприменителями (постановления от 25 апреля 1995 года N 3-П, от 15 июля 1999 года N 11-П и от 11 ноября 2003 года N 16-П).

Но, кстати, эта неопределенность в вопросе о праве осужденного и его защитника ознакомиться со всеми без исключения материалами уголовного дела существенно уменьшается правовой позицией

Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в опубликованном Определении от 23 мая 2006 года N 189-О. Конституционный Суд Российской Федерации указал, что, закрепляя в пункте 12 части четвертой статьи 47 УПК Российской Федерации право обвиняемого на ознакомление с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования, федеральный законодатель определяет момент, с которого все материалы уголовного дела становятся доступными для обвиняемого, но не ограничивает возможность его реализации только этим этапом уголовного судопроизводства; следовательно, данная норма не может расцениваться как препятствующая ознакомлению с материалами уголовного дела в целях реализации обвиняемым права на защиту и на последующих этапах судопроизводства - как после поступления дела в суд, так и после вынесения приговора. И нет здесь оговорки о невключении в материалы дела каких-либо документов, в том числе особого мнения судьи.

За рубежом вопрос об особом мнении судьи урегулирован по-разному. Есть страны, где оно вообще не предусмотрено. Но есть и те, где его не скрывают. Например, статья 9 главы 17 Кодекса судебного процесса Королевства Швеции от 18 июля 1942 года (в действующей редакции) гласит: "В случае составления особого мнения оно должно быть доведено до сведения сторон одновременно с постановлением суда и тем же способом, что последнее".

Поэтому в целях дальнейшего развития правовой позиции, изложенной в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 23 мая 2006 года N 189-О, правильным было бы принять материалы жалобы Ю.Р.Юдина к производству в публичном слушании; признать оспоренные им законоположения - в системе норм - не соответствующими названным выше положениям Конституции Российской Федерации, так как они в очень высокой степени неопределенны; предложить федеральному законодателю эту неопределенность устранить.
